

ХЛОПУШКА

Он явился ближе к ночи: великолепный, сияющий, похожий на очень преуспевающего бизнесмена (темно-синяя рубашка, костюм — на полтона темнее), мягко поздоровался за руку, ослепительно улыбнулся: "Начинайте!" И это сам мистер Гринуэй — интригующе обволакивающий своими картинками провокатор, утверждающий, что есть только две темы, волнующие умы, — секс и смерть. Вместо почти что дьявола в ночь с понедельника на вторник на Чистопрудном бульваре материализовался блистательный шоумен, превративший банальную пресс-конференцию в мастер-класс на тему: "Кинематограф мертв! И почему".

Если бы организаторы не прервали его, Питер Гринуэй царствовал на сцене кинотеатра "Ролан" до последнего журналиста. Ибо утомленные его интеллектом коллеги стали покидать "поле битвы" уже спустя час после начала. С каждым уходившим мистер режиссер становился все бодрее и бодрее. Но еще до всего этого шоу мистер Гринуэй любезно ответил на вопросы "МК".

НОЧЬ С ГРИНУЭЙМ Секс и смерть на Лубянке

АРТЕМ МАКЕЕВ

Справка "МК". Питер Гринуэй родился в 1942 году в Англии. Начинал как художник. Самая известная выставка его картин, рисунков и коллажей называлась "Семя и пепел". Снял кинокартины: "Контракт рисовальщика" (1982), "Живот архитектора" (1987), "Зед и два нуля" (1985), "Отсчет утопленников" (1988), "Повар, вор, его жена и ее любовник" (1989), "Книги Просперо" (1991), "Дитя Макона" (1993), "Записки изголодавшего" (1999).

— Мистер Гринуэй, знакомьтесь: корреспондент газеты "Московский комсомолец", имеющей тираж два миллиона экземпляров. Поэтому первое интервью — ей, вы согласны? — представил меня гендиректор киностудии "12 А" Александр Михайлов, организатор визита Питера Гринуэя. (Студия еще не подписала контракт с режиссером, поэтому о своем участии в его проекте тут говорят весьма осторожно. Но скорее всего, это случится. Кстати, наши участвуют и деньгами, выделенными Минкультом РФ.)

— О! Two millions! It's very good! — на такой восторженной ноте мы и начали разговор.

— В одном из ваших интервью вы обмолвились, что в вашем новом проекте "Чемодан Тульса Люпера", ради которого вы и приехали в Россию, вы собираетесь снимать Мадонну, Шер, Изабеллу Росселини. Кто еще в звездном списке?

— Мой новый фильм рассчитан на 92 персонажа, и второе его название — "История урана", поскольку число урана — 92. Фильм имеет обширную географию: от пустынь Колорадо до степей Манчжурии. Я думаю, мы охватываем в этой картине интересы очень большого количества людей, в том числе и русских. Я считаю, что каждый продюсер, режиссер должен затрагивать то, что интересно всем. В

фильме, как я уже сказал, очень много персонажей, в том числе и те, кого вы назвали, но именно с ними все еще на стадии переговоров.

— А кто же играет главного героя?

— Переговоры с несколькими ведущими актерами еще идут, вот через две недели я буду готов вам ответить. Но у меня есть маленький секрет, которым я хочу с вами поделиться: главный герой — не русский, но он говорит по-русски. Я начал свой проект три года назад: кроме кинокартины, состоящей из трех частей (каждая по два-три часа), сюда входят и web-сайт, DVD, CD, а также 16 серий для телевидения — по 30 минут. Первая часть проекта охватывает 18 лет, я собираюсь ее закончить в первые две недели января, и я надеюсь показать ее на следующем Венецианском фестивале.

— Что вы будете снимать в Москве? Я слышала, это Лубянка? Вам уже удалось получить разрешение у сей грозной организации?

— Похоже, что вы лучше меня знаете, о чем будет этот фильм, — рассмеялся мистер Гринуэй. — Да, мой главный герой попадает на Лубянку. Фильм представляет историю заключений главного героя начиная с 1928 года, когда главному герою исполняется 10 лет и его отец первый раз запирает в угольном сарае. Это происходит в Южном Уэльсе, где родился и я, поэтому это несколько автобиографичная история. Но если мы привыкли представлять заключение с обязательными толстыми стенами и решетками, в данном случае речь идет о другом: о тех тюрьмах, которые мы устраиваем себе сами — нашим тщеславием, нашими амбициями. Одна из моих концепций: заключенный нуждается в надсмотрщике так же, как и надсмотрщик в заключенном. В принципе каждый человек может создать себе свою собственную тюрьму, и даже в свободном мире человек может чувствовать себя как в тюрьме. Если мы посмотрим в историю, там было много примеров псевдотюрьмой — та же "холодная война". Мой фильм охватывает такой большой промежуток времени — с 1928-го по 1989-й, год падения Берлинской стены, — потому что я считаю этот отрезок наиболее интересным в XX веке в политическом смысле. Я родился в 1942 году, и вся эта история проходила и перед моими глазами, я тоже ее своеобразный свидетель.

— Мистер Гринуэй, как вы проводите пробы актеров: традиционно — даете текст, ставите перед камерой... — или как-то иначе? Вы подбираете актеров под роли или же роли под актеров?

— У меня есть принцип: когда я первый раз встречаюсь с актером, мы вместе выясняем, что он может делать, как он может двигаться, говорить и что он сам хочет делать. Я считаю, что каждый актер — актер одной роли, и играть он может только самого себя. Я никогда не требую от актера сыграть непохожий на него самого персонаж. Я не считаю кино своеобразной дырой в стене или дверью в другую реальность: кино — это всегда артефакт и своеобразная конструкция, и мне всегда хочется, чтобы актеры принимали участие в этом конструировании и понимали, что они — не только люди, играющие роль, а те, кто вместе со мной создает это кино.

— А как же в таком случае вы будете отбирать русских актеров, совсем их не зная, никогда прежде не сталкиваясь с "загадочной русской душой"?

— Если бы у меня были часы на руке, я бы сказал, сколько часов я в России — видимо, часов пять. Я прилетел на три дня, но я обязательно вернусь. Пока же я не знаю, как буду подбирать русских актеров, русский персонал, который будет работать здесь на нашей съемочной площадке. Я пока не знаю даже, какие мне нужны типы, — я должен вначале увидеть то, что мне покажут. И если мне понравятся не те типы, кого я вначале представлял, я даже готов переписать сценарий под тех актеров, которых я выберу.

— Не страшно ли было вам, с вашим мистическим отношением к жизни, ехать в Россию?

— Я совершенно не мистический человек, а очень рациональный, — рассмеялся довольный собой Гринуэй.

Пресс-конференцию он начал так:

— Я готов, задавайте ваши провокационные вопросы, — и далее сам выбирал тех, кому дать слово, указывая на журналиста микрофоном, но больше говорил сам. Посреди рассуждений мэтра о том, что кинематограф умер, поскольку устарели сами его основы, — экран ("его форма, как и форма кадра, взяты от живописи"), камера ("мы-то с вами знаем, что мир гораздо ярче, чем она может его снять"), актеры ("они считают, что от них так много зависит") и пр., — корреспонденту "МК" мистер Гринуэй еще пару раз предоставил слово.

— Вы утверждаете, что в вашем новом проекте будет еще больше крови, секса, насилия? Что это означает?

— Это значит: больше крови! секса! насилия! О чем еще снимать? Согласитесь, только о сексе и смерти. Балзак предлагал для обсуждения еще деньги, но их легко делать из первых двух.

— В вашей картине "Отсчет утопленников" женщины топят мужчин. Значит ли это, что мужчины, по вашему мнению, более достойны того, чтобы быть утопленными?

— Мой короткий ответ: да! Если длиннее, то я люблю подсчитывать: на Земле 51% женщин, а в кинематографе их очень мало — как актрис, так и персонала. Я считаю, что это несправедливо.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.